

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI ВЕКА

Лунден Ирина Львовна

Доктор экономических наук, старший научный сотрудник, Института экономики РАН, г. Москва

INSTITUTIONAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN STATEHOOD IN THE FIRST THIRD OF THE 16TH CENTURY

Lunden Irina, Doctor habilitatus in economics, senior research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается значение первой трети XVI века как важного этапа в формировании институциональных основ российской государственности.

ABSTRACT.

The article discusses the value of the first third of the XVI century as an important step in the formation of the institutional foundations of Russian statehood.

Ключевые слова: Василий III, власть, государственная собственность на землю, военно-поместная система, государственное управление.

Keywords: Vasily III, power, state ownership on land, military manorial system, public administration.

Продолжателем политики Ивана III - основателя и организатора Московской державы, заложившего институциональные основы государственного строя и определившего на века основные направления внешней политики, стал его сын Василий III (1505-1533), провозглашенный в 1502 г. официальным наследником и соправителем отца. С окончательным присоединением Пскова (1510), Рязани (1521) и завоеванием Смоленска (1514) завершилось формирование территории национального великорусского государства.

В силу того, что удельные традиции еще не были окончательно изжиты, а права на престол Василия III не бесспорны, задачей великого московского князя стало упрочение единоличной власти. Наиболее важные вопросы он решал самостоятельно, зачастую опираясь на «худородных» советников личной канцелярии. В итоге была фактически сведена на нет удельная система, существенно вырос статус великокняжеской власти. И хотя первый представитель византийской династии Палеологов на русском престоле «великий государь Божией милостью, един правый государь всея Руси и иным многим землям восточным и северным государь и великий князь» официально не принимал царский сан, на практике как во внешних сношениях, так и внутри своей государственной вотчины использовал царский титул. Как отмечал австрийский посол С. Герберштейн, Василий III властью далеко превосходил всех европейских монархов, считался проводником божественной воли [2]. Кроме того, что отъезд от великого князя считался изменой, бояре, обращаясь к государю, обязывались использовать формулу: «Аз, холоп твой, челом бьет...» [13, с. 165]. Тем не менее, полагает Р.Г. Скрынников, власть монарха не являлась полной [11, с. 40-52].

В церковных кругах активно разрабатывалась государственная идеологическая доктрина. Была создана концепция происхождения великокняжеской династии, предполагавшая непосредственную связь Москвы и первого Рима («Послание о Мономаховом венце»). «Повесть о белом клобуке» Д. Герасимова, послания Филофея и др. были направлены на доказательство права русского государства на византийское наследство, перемещения истинной церкви и императорской власти в Москву как в но-

вый и последний Рим. Представления о провиденциальном призвании России, единственного в мире независимого православного царства, влекли за собой и византийское представление о государе как «земном боге» и высшем авторитете в делах церкви, вытекающее из основной функции власти – защиты веры и церкви христовой. В качестве покровителя православия Василий III оказывал поддержку греческим монастырям на турецкой территории, регулярные выезды государя для поклонения русским православным святыням приобрели характер официального мероприятия.

Формирование обширной государственной территории и стремление к централизации управления вело к развитию государственного аппарата. Активно совершенствовалась дворцовая система. Во главе разраставшегося хозяйства государя стоял Большой Дворец, ведавший и важнейшими общегосударственными делами: выдачей жалованных грамот, судом по наиболее важным делам, контролем за деятельностью местных властей. Присоединенными удельными землями управляли региональные дворцы. Уменьшались сроки пребывания на должностях назначаемой из центра местной администрации – наместников и волостелей, осуществлявших свою деятельность на принципе кормления с управляемой территории, что в определенной мере ограничивало аппетиты управленцев. Для повышения эффективности местного управления были учреждены особые выборные должности с целью сыска по мелким уголовным делам, что подготовляло, считает М.М.Кром [9], будущую губную реформу 1530-1540 гг. В городах появились выборные городовые приказчики (военные коменданты). Великокняжеская канцелярия (Казна) ведала государственными финансами, внешней политикой, организацией военной службы и ее обеспечением, архивом и государевой печатью. При дворцах и Казне ширился штат канцеляристов (дьяков и подьячих). В конце XV — начале XVI вв. формируются основы дьяческого или приказного делопроизводства [10, с. 29-49]. Однако в целом бюрократический аппарат был невелик и насчитывал 121 дьяка [4, с.282]. Боярская Дума, состоявшая из назначенных государем представителей знатных родов, была немногочисленна, не имела четко фиксированных полномочий, но заседала постоянно, вы-

полная роль советника по тем или иным вопросам и оказывая влияние на кадровые назначения. Не доверяя княжеской аристократии, великий князь тем не менее считался с боярством, нуждаясь в его политической поддержке, и, как отмечает Г.В.Вернадский [1], в целом не покушался на его права, что не мешало, однако, жестко расправляться с негодными. Основным «поставщиком» кадров для государственной службы являлся Государев двор. При назначении на значимые посты в администрации и армии великий князь учитывал местнические отношения, хотя появились и прецеденты служебных назначений во время военных походов без учета иерархии родов («без мест»). Судопроизводство осуществлялось по общерусскому Судебнику 1497 г., уставным грамотам и по специальным государевым указам, а также по сложившейся местной практике.

Активно распространялась военно-поместная система, что стало возможным вследствие резкого увеличения государственного земельного фонда и кризиса боярства, заключавшегося в обнищании его нижних слоев. Государственная собственность на землю заняла ведущее место в системе землевладения. Было завершено начатое при Иване III перераспределение конфискованных новгородских земель среди московских малоземельных и безземельных служилых людей (детей боярских). Доходы с поместий должны были обеспечивать службу в тяжелой вооруженной коннице. Аналогично, ликвидация псковских вольностей сопровождалась конфискацией боярских вотчин, передававшихся государевым служилым людям на условиях обязательной военной службы, и переселением местной купеческой элиты. В опустевших городских дворах поселились новые землевладельцы и купцы из центральных уездов. Независимое псковское ополчение было упразднено. Введение великокняжеского судопроизводства и таможенных пошлин (тамги) в богатом Пскове существенно увеличивало государственные доходы. Лишились вотчин многие смоленские землевладельцы, которые переселялись в центральные уезды, где получали землю на поместном праве, а их место заняли московские дети боярские. Заменены москвитями и многие рязанцы. В итоге, создавалась опора Москвы на присоединенных землях и более эффективная оборона границ. Новая военная система позволила сформировать подчиненную центральной власти боеспособную армию, размер которой в первой трети XVI века оценивается в 40-50 тыс. человек, из них половину составляло дворянство [12, с. 45].

Нуждаясь для распространения поместной системы в увеличении фонда государственных земель в центральных уездах, государство продолжало активно вторгаться в сферу частной собственности, наступать на вотчинные привилегии. Было запрещено продавать вотчины «иногородним» и монастырям без особого разрешения великого князя («без доклада»). Княжеские наследственные вотчины могли переходить только прямым наследникам, в противном случае они изымались в казну. Пополнялся государственный земельный фонд и за счет черных волостей. Планы же по секуляризации богатых монастырских вотчин реализовать не удалось. Как полагает Р.Г.Скрынников, если бы они осуществились, то можно было бы обеспечить поместьями всех служилых людей московского Двора [11, с. 40-52]. По мнению С.М.Кашта-

нова, в первую половину правления Василия III государство активно наступало на церковное землевладение, стремясь по-возможности его сократить и ограничить имущественные права, особенно в финансовой и судебной сферах. Затем, в стремлении ослабить уделы, правительство пошло на уступки церкви, улучшая положение московских монастырей в удельных и бывших удельных землях, окружая последние «зонами привилегированного землевладения». Впоследствии политика была компромиссной, что проявлялось в возвышении отдельных монастырей и ущемлении прочих [7, с. 20-21; 8, с.244, 248, 253-255]. К тому же упрочилось влияние партии защитников церковной собственности (иосифлян), поддерживавших Василия III во всех начинаниях и способствовавших идеологическому оформлению власти, что не могло не сказываться на политике по отношению к монастырскому землевладению [8, с. 257-258; 5, с.233-235].

Укрепились внешнеполитические позиции крепнущего государства. Войны с Литвой за собиранье древнерусских земель как «отчины» государя всея Руси узаконили территориальные приобретения времен Ивана III и добавили новые. Разрушением особого балтийского «мира-экономики» (Новгород-Псков-Ливония) [12, с. 115-119] была подорвана экономическая основа независимости Новгорода и Пскова. Отношения с Ливонией определялись стремлением Москвы к признанию ливонско-русской границы по результатам войны (1500-1503), разрыву ее военного союза с Литвой и торговыми выгодами. Была достигнута определенная стабильность в отношениях с Ливонией, восстановлена после длительного перерыва торговля с Ганзой, причем русской стороне удалось добиться существенных уступок [6, с.260, 314].

Европа «открывала» для себя Россию. Были продолжены попытки интегрировать Московскую Русь в «христианский мир» через католическую унию и включение в состав Священной Римской империи в качестве провинции с предложением Василию III королевского титула, вовлечь в антитурецкий союз. Провал западной политики ознаменовал «поворотную точку в отношениях России и Европы», «горячая фаза» отношений с Западом однозначно и по всем позициям сменилась на «холодную», начал вызревать образ России как «антиевропы» [12, с. 69, 219-220]. Василий III позиционировал себя в качестве равноправного партнера с императором Священной Римской империи, преследовал свои цели, желая использовать союз с империей для войны с Польшей, и был заинтересован в развитии русско-турецких отношений, в т.ч. в связи с осложнениями в восточной политике. Так, рухнул многолетний союз с Крымским ханством, ставшим вассалом Османской империи, но стремившимся к гегемонии в татарском мире и претендовавшим на роль бывшей Золотой Орды в отношении Московского государства. Начался «крымский аукцион»: под угрозой военного нападения Крым торговался то с Москвой, то с Литвой, вымогая деньги и политические выгоды [12, с. 81]. Постоянные набеги крымских татар вынудили к укреплению оборонительной линии по течению Оки, началось строительство крепостей (Тула, Калуга, Зарайск) и расселение казаков к югу от окской линии. «Русь на юге села в глухую оборону...на ближних рубежах» [3, с. 56; 12, с.164]. Начались и проблемы с Казанью, стремившейся освободиться от московского контроля. В целом же, отмечает А.И.Филюш-

кин, восточная политика Василия III, хотя и осуществлялась в сложных условиях, была без кардинальных прорывов, но и без серьезных провалов [12, с.219].

Преодоление остатков политической автономии северо-восточных русских княжеств и новые территориальные приобретения способствовали развитию экономических связей между русскими землями, росту городов, промыслов, торговли. Это был период экономического подъема и «золотого века крестьянства» - лично еще свободного и сравнительно необремененного налогами. Повинности крестьян не превышали 20-30% годового дохода [12, с. 47]. Складывались первые крупные купеческие династии. На Восток (Казань, Астрахань, Турция) вывозились продукты промыслов и ремесел, а оттуда ввозились ткани, пряности и скот. Основными европейскими партнерами были Литва, Польша, Ливония, немецкие города. В торговом обороте Литвы и Польши доля России доходила до 30-50%. На Запад шли пушнина, мед, воск, пенька, лен, кожа, на Русь - металлы и ремесленные изделия [12, с.50]. В 1530-е гг. была проведена денежная реформа, направленная на унификацию денежного обращения и облегчение торговли. Началась активная монастырская колонизация Русского Севера.

В целом, заложенные Иваном III институциональные основы российской государственности получили дальнейшее развитие и оформление в первой трети XVI века. Усилился институт власти-собственности. Государственная собственность на землю стала основой формирующегося политико-правового устройства. Рост реальной власти государя всея Руси сопровождался развитием центральных органов государственного управления, централизацией финансов, сокращением административных и судебных полномочий на местах. Активно разрабатывалась доктрина «Москва — Третий Рим». Утвердилась тесно связанная с новой военной организацией поместная система, положив начало процессу превращения всех землевладельцев в единое служилое сословие и способствуя закату «золотого века боярства». Происходила

трансформация «Великого княжества Московского и государства всея Руси в Российское царство», а великий московский князь и государь Василий III был «демиургом этого процесса» [12, с. 220], используя силу, хитрость и «византийскую дипломатичность» [1].

Литература

1. Вернадский Г.В. Россия в средние века. М., 1997. Глава V.
2. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
3. Загорский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991.
4. Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV - первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1971. Т.87.
5. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.
6. Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV- начало XVI в. Л., 1975.
7. Каштанов С.М. Финансы Древней Руси. М., 1988.
8. Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967.
9. Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России эпохи «боярского правления» (30-е — 40-е гг. XVI в.). М., 2010.
10. Петров К.В. Приказная система управления в России в конце XV- XVII вв. М.; СПб., 2005.
11. Скрынников Р.Г. Третий Рим. СПб., 1994. Глава 3.
12. Филюшкин А.И. Василий III. М., 2010. Режим доступа к изд.: http://militera.lib.ru/bio/filyushkin_ai01/filyushkin_ai01.html#t63
13. Хорошкевич А.Л. Великий князь и его подданные в первой четверти XVI в. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. М., 1994. Ч.2.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ХИМИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Осколок Кирилл Владимирович

кандидат химических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

STAGES OF DEVELOPMENT OF UNIVERSITY CHEMISTRY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Oskolok Kirill, Candidate of Chemistry, associate professor, Lomonosov Moscow State University

АННОТАЦИЯ

На химическом факультете Московского университета проводится исследование по истории развития университетской химии в России. В историографии вопрос о периодизации университетской химии еще не ставился, поскольку она рассматривалась в контексте естественнонаучного высшего образования. Анализ источников и литературы позволил разработать авторский вариант периодизации отечественной университетской химии. Университетская химия в постсоветской России подразделяется автором на три этапа: 1990-е гг.; 2000-2008-й гг.; с 2008-го года по настоящее время.

ABSTRACT

The research on history of development of university chemistry in Russia is conducted at chemical faculty of the Moscow University. In a historiography the question of a periodization of university chemistry was not raised yet as it was considered in the context of natural-science higher education. The analysis of sources and literature allowed developing author's option of a periodization of domestic university chemistry. The university chemistry in Post-Soviet Russia is subdivided by the author into three stages: the 1990th; the 2000-2008th; since the 2008th year to the present.